

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВО СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В ЗАПИСКАХ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII в.

Исследование проведено в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ (проект № 16-01-0022).

Анализируются сведения российских путешественников (дипломатов, торговцев, ученых), посетивших среднеазиатские государства в XVIII в. (Бухарское и Хивинское ханство и «Ташкентское владение»), о государственном устройстве и правовом регулировании в этих государствах. В отличие от сохранившихся до нашего времени исторических хроник и официальных документов среднеазиатского происхождения (создатели которых были склонны идеализировать политико-правовую ситуацию в своих государствах), российские очевидцы, целью которых было получение объективной информации, описывают реальное положение дел, что позволяет считать их сведения объективными и весьма ценными.

Ключевые слова: Российская империя; ханства Средней Азии; традиционная государственность; мусульманское право; российские путешественники XVIII в.

Изучение политической истории центрально-азиатских государств имеет в России давние традиции. Известно и введено в оборот немало количество источников по истории среднеазиатских ханств. Среди этих источников – исторические сочинения и хроника местных авторов (начиная с современников событий и до авторов первой четверти XX в.), свидетельства иностранных современников, официальные документы (актовые материалы). Таким образом, политическая история среднеазиатских ханств освещена сравнительно неплохо, и исследователи продолжают изучение этих аспектов, опираясь на многочисленные источники – архивные и уже введенные в научный оборот.

Гораздо более скудно освещены вопросы государственного устройства и правового развития ханств – в первую очередь из-за отсутствия аутентичных источников. Нельзя утверждать, что от таких могущественных государств Средней Азии XVIII в., как Бухарское и Хивинское ханства или «Ташкентское владение»¹, до нашего времени не сохранилось правовых документов (как это произошло, например, с такими государствами, как Золотая Орда или Чагатайский улус XIII – начала XVI в.). Но эти документы, равно как и исторические источники среднеазиатского происхождения, на наш взгляд, несколько односторонне освещают правовое развитие ханств Средней Азии.

В самом деле, основными юридическими документами этих государств, сохранившимися до нашего времени от рассматриваемого периода, являются, во-первых, ханские ярлыки, во-вторых, разного рода правовые акты, издававшиеся представителями мусульманской администрации (казийские документы и т.п.). Среднеазиатские монархи старались позиционировать себя как ревностных приверженцев ислама и в своих указах-ярлыках подчеркивали это постоянными отсылками к нормам шариата (пусть даже по своей сути эти указы и противоречили основным принципам мусульманского права). Казии же целиком и полностью основывали свою правоприменительную практику на шариате, что находило прямое отражение и в издаваемых ими нормативных актах. Аналогич-

ным образом придворные авторы среднеазиатских ханов в своих исторических сочинениях стремились поддержать имидж монархов как ревнителей и защитников ислама, а образ государств – как оплота мусульманской веры. Естественно, правовая ситуация в этих правовых документах и исторических сочинениях в значительной степени идеализировалась.

В результате исследователи, работающие с этими текстами, поневоле становятся заложниками стереотипа о том, что политико-правовые отношения в государствах Средней Азии (в первую очередь в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах) строились исключительно на принципах мусульманской государственности права [1]. При этом практически нет восточных источников, которые позволили бы сформировать представление о том, насколько в этих государствах учитывались старинные местные тюрко-монгольские традиции, в какой степени на их правовое развитие повлияло имперское («чингизидское») прошлое и т.д.

Чтобы хотя бы в некоторой степени преодолеть стереотип о доминировании исключительно мусульманского права в упомянутых ханствах, расширить имеющееся представление об их правовом развитии, необходимо более широко привлекать иностранные источники, а именно свидетельства иностранных современников, лично побывавших, соответственно, в Бухаре и Хиве и / или Коканде и вовлеченных в правоотношения с местным населением. При этом речь идет не о выходцах из других стран мусульманского Востока (ведь и они порой были склонны идеализировать правовую ситуацию в государствах своих единоверцев), а о представителях иной религиозной и правовой культуры. В качестве примера мы намерены рассмотреть записки российских путешественников, большое число которых побывало в XVIII в. в различных среднеазиатских государствах. Так, в Бухарском ханстве побывали посол Петра I Флорио Беневени (1724–1725 гг.), пленный сергент русской армии Филипп Ефремов (1774–1782 гг.), переводчик оренбургской администрации Мендиар Бекчурин (1781 г.), инженер Тимофей Бурнашев и сержант Алексей Без-

носиков (1794 г.). Хивинское ханство посетили тот же Ф. Беневени (1725 г.), поручик Дмитрий Гладышев и геодезист Иван Муравин (1741 г.), купец Данила Рукавкин и оренбургские чиновники Петр Чучалов и Яков Гуляев (1753–1754 гг.), военный врач Егор Бланкеннагель (1793–1794 гг.). В Ташкенте побывали поручик Карл Миллер (1738–1739 гг.), купец Шубай Арсланов (1741–1742 гг.), атаман Дмитрий Телятников и сержант Алексей Безносиков (1796–1797 гг.), инженеры Т. Бурнашев и Михаил Поспелов (1800 г.). Как видим, среди путешественников были дипломаты, торговцы, ученые, причем их миссии нередко преследовали также и научно-исследовательские цели [2. С. 18–22, 26–29].

Записки упомянутых путешественников уже неоднократно использовались исследователями политической истории государств Средней Азии и их отношений с Российской империей – политических, дипломатических, экономических (см., например: [3. С. 60–94; 4. С. 18, 63–68; 5. С. 378–407, 434–435, 454–460; 6. С. 34–89]). Однако, насколько нам известно, они не привлекали внимания в качестве источника о государственности и праве среднеазиатских ханств рассматриваемого периода. Конечно, материалы путешественников отнюдь не содержат целостной и всесторонней характеристики государственной и правовой системы среднеазиатских ханств в рассматриваемый период. Эти сведения отрывочны и в большинстве случаев отражают те сферы правоотношений (и конкретные правоотношения), в которые непосредственно вовлекались авторы. Тем не менее, на наш взгляд, тем ценнее эта информация, поскольку позволяет совместить данные различных авторов, дополнив (а в некоторых случаях и проверив) одни сведения другими.

Кроме того, очень важным моментом представляется и то, что иностранные современники имели дело не с формально действующим законодательством, а с реально применявшимися на практике правовыми принципами и нормами, т.е. «живым» правом, и это существенно повышает ценность их сведений правового характера. Их информация представляется объективной в связи с тем, что, во-первых, ее носители были иностранцами и, соответственно, не были заинтересованы в формировании «мусульманского» имиджа среднеазиатских монархов; во-вторых, будучи дипломатами и нередко разведчиками, они должны были донести до российских властей наиболее правдивые сведения, позволяющие и в дальнейшем эффективно выстраивать отношения с монархами Средней Азии.

Сведения российских путешественников позволяют сделать вывод, что традиционная система власти и управления в ханствах Средней Азии, складывавшаяся столетиями, к XVIII в. находилась в глубоком кризисе, в результате которого «природные ханы» (потомки Чингисхана) все более и более отщесались от власти влиятельными представителями местных элит.

Поначалу этот процесс происходил в форме борьбы разных претендентов-Чингизидов на престол, каждого из которых поддерживали представители влиятельных кланов, в результате чего то или иное ханство фактически раскалывалось надвое. Так, бла-

годаря Ф. Беневени, мы узнаем, что в 1720-е гг. бухарский хан Абулфаиз боролся с претендентом на трон султаном Раджабом, обосновавшимся в Самарканде. Впрочем, и в Хивинском ханстве складывалась аналогичная ситуация: хан Ширгази, занимавший трон в Хиве и поддерживавший претензии своего родственника Раджаба на бухарский трон, сам противостоял претенденту Шах-Тимур-султану, который признавался ханом жителями так называемого Аральского владения, т.е. области с центром в г. Кунград, в течение веков находившихся в оппозиции к столичным властям [7. С. 65, 77–78].

Естественно, претенденты, стремясь привлечь на свою сторону влиятельных сторонников, были вынуждены предоставлять предводителям кочевых кланов различные льготы и привилегии, а также делиться с ними властью. В результате уже в 1740–1770-е гг. фактически управление в среднеазиатских ханствах перешло в руки могущественных родоплеменных вождей, при которых ханы царствовали лишь номинально. Хивинцы вообще стали приглашать на трон представителей разных ветвей Чингизидов – потомков прежних хивинских ханов, казахских и каракалпакских султанов [8. С. 206]. Естественно, такие монархи не имели реальной опоры в Хиве и были вынуждены выполнять волю пригласивших и поддерживавших их представителей местной знати, которые легко могли свергнуть одного хана и пригласить на трон другого [9. С. 94, 96]².

Даже решительные и энергичные монархи, старавшиеся вернуть себе реальную власть, в конечном счете проигрывали в борьбе с влиятельными временщиками. Так, российские посланцы Д. Гладышев и И. Муравин сообщают о попытках властного и амбициозного казахского хана Абулхаира, ставшего в 1740 г. ханом Хивы, взять власть в свои руки и для этого готового сделать ханство даже вассалом Российской империи³. Однако могущественная хивинская знать, преимущественно узбекского происхождения, отрицательно отнеслась к такому решению и готова была признать власть персидского Надир-шаха, как раз в это время осуществлявшего завоевание Средней Азии, но не перейти под власть России. В результате хан, который едва не был арестован и передан персам, предпочел бежать из Хивы, найдя убежище во враждебном ей «Аральском владении» [10. С. 12–15].

В конце 1753 – начале 1754 г. еще один казахский хан Хивы, Каип, попытался избавиться от опеки предводителей узбекского клана мангытов и приказал казнить около 60 членов этого рода. Это привело к восстанию против него родственников казненных, которые сумели объединить в борьбе против хана и хивинских узбеков, и их постоянных противников – население «Аральского владения». Хану удалось сохранить власть, лишь переманив на свою сторону туркменскую знать, для подкупа которой он даже конфисковал деньги и имущество русского каравана под предводительством Д. Рукавкина, П. Чучалова и Я. Гуляева, который в это недоброе время как раз оказался в Хиве [11. С. 70, 74, 88].

В Бухаре ситуация выглядела более стабильной: здесь все же сохранялась видимость правления мест-

ной ханской династии, хотя даже для иностранцев не было секретом, что реальной власти у хана нет. Так, военнопленный Ф. Ефремов, несколько лет вынужденный служить в бухарской армии, отмечал, что хан полностью «подвластен» аталыку [12. С. 130]. А переводчик М. Бекчурин сообщает, что официальный представитель Бухарского ханства, ведший с ним переговоры в 1781 г., прямо ему заявил, «что хан у них никакой власти не имеет, а правит всеми делами аталык Даниял-бий Мангыт. Он властен хана пожаловать и разжаловать, а только де держут хана для одного виду». Соответственно, все ключевые должности были заняты родственниками и сторонниками Данияла [13. С. 301].

Однако наиболее радикально повели себя подданные казахских ханов Старшего жуза, правивших в первой половине XVIII в. в Ташкенте. Согласно сообщениям К. Миллера и Ш. Арсланова, представители местной элиты, надеясь на покровительство западно-монгольского Джунгарского ханства, убили хана Жолыбарса, а его соправителя Жаубасара изгнали из города, после чего власть надолго перешла в руки местного «магистрата» в составе нескольких сановников, осуществлявших власть коллегиально [14. С. 45; 15. С. 89–90]. Кажется, это был первый в истории Средней Азии случай, когда потомки Чингисхана отстранялись от трона не в пользу своих родственников, а представителей другой династии. Даже когда власть «магистрата» пала, монархи-Чингизиды не вернули себе Ташкент: трон занял потомок одного ташкентского сановника Юнус-ходжа, установивший теократическую монархию, в которой, впрочем, сочетались элементы как мусульманской, так и тюрко-монгольской государственности.

Поскольку к числу основных целей российских миссий в ханствах Средней Азии относились установление и развитие торговых связей, путешественники много внимания уделяли вопросу регулирования торговой деятельности и налогообложению. Традиционный торговый налог, еще со времен Монгольской империи и Золотой Орды известный под названием «тамга», взимался в ханствах Средней Азии и в XVIII в. под видом «подати по промыслу» (в мусульманской правовой традиции – *зякет*), стандартная ставка которой была 1/40, или 2,5% от стоимости товаров или производимой ремесленной продукции [7. С. 72; 13. С. 304; 15. С. 140; 16. С. 100]. В качестве дополнительного дохода в ханскую казну существовала особая пошлина за размещение товаров на складах при караван-сараях [16. С. 73]. И если в Бухаре и Хиве существовали более-менее фиксированные ставки подобных налогов, то в Ташкенте (особенно при Юнус-ходже) эти ставки могли устанавливаться по усмотрению правителя, а сами сборщики, пользуясь неопределенностью налогового регулирования, в свою очередь могли взимать с плательщиков столько, сколько считали нужным, а также не сдавать полностью собранное в казну правителя [17. С. 167; 18. С. 139–140].

Наряду с торговыми пошлинами в среднеазиатских ханствах взимались налоги с земли и урожая (в мусульманской правовой традиции – *харадж*, в тюрко-монгольской – *тагар*), традиционно составлявший 1/10 от урожая. Кочевники платили традиционный

для тюрко-монгольского общества сбор («копчур») в размере одной головы скота со 100 голов [13. С. 304; 16. С. 100; 18. С. 140]. Особыми налогами облагались иноверцы: В Бухаре взималась подушная подать с евреев, составлявшая 35 таньга в год (скорее всего, речь идет и *джизье* – налоге с немусульманских подданных в государствах ислама) [13. С. 304; 16. С. 66]. Ташкентский правитель Юнус-ходжа, пользуясь своим статусом не только светского, но и духовного лидера, мог позволить вводить новые налоги и сборы, формально не предусмотренные шариатом, в результате в Ташкенте взимались также сбор с домов («налог на недвижимость», 2,5 таньга в месяц), брачный сбор (25 таньга); города, подчиняющиеся Ташкенту, вносили дань тканями и халатами [17. С. 167; 18. С. 139–140].

Также российские очевидцы обращали внимание на то, что принципы договоров в среднеазиатской торговле не действуют. Покупатель мог взять товар и, не расплатившись за него полностью, вернуть прежнему владельцу в течение любого срока, даже через три года – и суд в этом случае примет решение в его пользу [7. С. 71; 16. С. 80–81].

Сами же суды представляли собой сложную систему, причем далеко не всегда подданные среднеазиатских монархов обращались в суд казиев, судивших на основе шариата. Высшей инстанцией традиционно являлся сам монарх (или временщик), формально следовавший принципам мусульманского права, но фактически выносивший решения на основе собственно го усмотрения [11. С. 70; 13. С. 301; 18. С. 138].

Казийские суды являлись основной инстанцией для оседлого населения Средней Азии («сартов»), тогда как у кочевников споры решали выборные судьи (*бии*) на основе обычного права. Попытки навязать один вид суда тем, кто отдавал предпочтение другому, порой приводили к острым конфликтам. Так, К. Миллер называет в качестве повода для убийства ташкентского хана Жолыбарса его «неправый суд» [14. С. 45]: по всей видимости, речь идет о попытках казахской правящей верхушки привнести в судебную практику Ташкента принципы суда на основе обычного права тюрко-монгольских кочевников.

Учитывая сложность и запутанность судебной системы, не приходится удивляться тому, что в среднеазиатских ханствах не было четкого представления о видах преступлений и принципах наказания за них. Хань (а в Бухаре и аталык), как правило, рассматривавшие наиболее серьезные преступления, в том числе государственную измену, убийства, фальшивомонетничество, чаще всего приговаривали к смертной казни – мужчин обычно вешали (нередко предварительно перерезав горло), а женщин забивали камнями. По сведениям Т. Бурнашева, уже в конце XVIII в. в Бухаре также практиковалось сбрасывание с минарета [11. С. 70; 12. С. 135; 16. С. 97; 17. С. 176]. За менее тяжкие преступления (нарушение религиозных установлений, мелкие кражи, обмеривание и обвешивание, неуплата налогов и т.п.) судили либо ханские чиновники, или судьи-казии, как правило, выносившие приговоры, связанные с телесными наказаниями и штрафами [16. С. 67; 18. С. 138–139].

Тюремное заключение (печально известные зинданы и «змеиные ямы», ярко описанные западными путешественниками по Средней Азии XIX в.) в XVIII в., по-видимому, не получило еще широкого распространения: российские очевидцы о нем не упоминают, а единственными, кто оказывался под стражей, как ни странно, бывали обычно они сами. Так, П. Чучалов и Я. Гуляев были размещены в Хиве «на квартире», но под караулом из девяти стражников, жестко пресекавших их попытки выйти в город [11. С. 72]. Точно так же под караулом находился и врач Е. Бланкеннагель, посетивший Хиву с целью оказания медицинской помощи дяде могущественного временщика Аваз-бия, при этом стражникам было велено не только не выпускать самого медика, но и не пропускать к нему никого из русских пленников, пребывавших в это время в Хиве [9. С. 87].

Довольно противоречивые сведения приводят российские путешественники относительно семейно-правовых отношений. Так, Ф. Ефремов отмечает, что развод в Бухаре очень прост: «И буде жена не полюбится мужу, то скажет: „мне тебя совсем не надобно“, а буде дом собственный его, то жен из него выгоняют, после чего дни через два или три женятся на другой. И ежели в том несогласии дойдет до суда, то и суд скажет, что ежели жена не полюбила, можно жениться на другой» [12. С. 144]. А.Т. Бурнашев дает совершенно другую картину: «Если муж не имеет к своей жене супружеской склонности, то наказывается духовным покаянием, иногда же и телесно. <...> Они [женщины. – Р.П.], приходя к судье, снимают башмак с правой ноги и кладут его перед ним, оборотя вверх подошвою. Судья знает уже, в чем состоит дело, и потому, не тревожа стыдливости просительницы, тот же час посылает за виновным, делает ему пристойный выговор и старается советом или наказанием обратить к порядочной жизни и восстановить согласие между мужем и женой». Сообщает он также, что за супружескую неверность могли приговорить к смертной каз-

ни [16. С. 92]. Надо полагать, подобное ужесточение ответственности за нарушения в семейной сфере по сравнению с ситуацией пятнадцатилетней давности, описанной Ф. Ефремовым, связано с тем, что в это время аталыком Бухары являлся уже не Даниял-бий, а его сын Шах-Мурад (прав. 1785–1800), всячески старавшийся увеличить значение норм шариата в политической и общественной жизни⁴. Вместе с тем нельзя не отметить, что и в этот период узбекские женщины, как видим, могли сами защищать свои интересы в суде – это дает основание полагать, что, наряду с шариатом, в семейно-правовых отношениях сохранялись и элементы обычного тюрко-монгольского права.

Таким образом, записки российских дипломатов являются весьма ценным дополнением к официальным восточным источникам – хроникам, историческим сочинениям, актовым материалам, содержащим сведения об особенностях государственного устройства и правового развития среднеазиатских ханств в XVIII в. Их главная ценность заключается в отражении политико-правовых реалий, а не официальной придворной идеологии, характерной для трудов среднеазиатских сановников и придворных историков.

На основании их сведений можно сделать вывод, что в ханствах Средней Азии, несмотря на официальный статус в них мусульманского права как единственной правовой системы, довольно широко применялись нормы и принципы обычного права тюрко-монгольских кочевников, а также нормы «ханского права», частично унаследованные от прежних государств Чингизидов, частично вновь установленные в результате волеизъявления среднеазиатских монархов. Эта особенность государственного и правового развития Бухарского и Хивинского ханств, а также и «Ташкентского владения» сохранялась не только в правление потомков Чингис-хана (пусть даже и номинальное), но и после того, как на рубеже XVIII–XIX вв. их официально сменили на троне представители других правящих династий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под названием «Ташкентского владения» в XVIII – начале XIX в. фигурировало обширное государство, сначала управлявшееся казахскими ханами, а затем сменившими их правителями среднеазиатского происхождения, которые не носили ханского титула: в официальной русской документации и последующей историографии они фигурировали как «владельцы».

² Неслучайно политическая ситуация в Хиве 1740–1770-х гг. получила в восточной историографической традиции меткое название «ханбази», т.е. «игра в ханы».

³ Сам Абулхаир являлся первым из казахских правителей, признавших сюзеренитет Российской империи: в 1731 г. возглавляемый им Младший жуз вошел в состав России.

⁴ Характеристику Шах-Мурада и его деятельности см., например: [19. С. 50, 52].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX век. М. : АСТ, 2004. 216 с.
2. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию / сост. О.В. Маслова. Ташкент : Изд-во САГУ, 1955. Ч. I. 1715–1856. 83 с.
3. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. 215 с.
4. Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Ташкент : Фан, 1982. 92 с.
5. Ниязатов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XVIII вв.). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2013. 512 с.
6. Соколов Ю. Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент : Узбекистан, 1965. 190 с.
7. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М. : Наука, 1986. 159 с.
8. Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправленном в 1753 году из Оренбурга в те места купеческом караване Самарского купца Данилы Рукавкина // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. М. : Моск. ун-т, 1776. С. 203–214.
9. Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793–1794 гг. / прим. В.В. Григорьева // Вестник Императорского Русского географического общества. 1858. Ч. XXII, вып. 3. Отд. 2. С. 87–116.

10. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным / изд. Я.В. Ханьков. СПб., 1851. 85 + 4 с.
11. К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана / сообщ. А. Добросмыслова // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIV. Ташкент, 1910. С. 69–81.
12. Российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим в Санкт-Петербурге 1784 года // Русская старина. 1893. Т. LXXIX, вып. 7. С. 125–149.
13. Журнал, учиненный с описанием из держанных коллежским регистратором и переводчиком Мендиаром Бекчуриним во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращению в Оренбург записок лежащему тракту (Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году) / пред. С. Жуковского // Восточный сборник. СПб., 1916. Кн. II. С. 273–340.
14. Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. – 5 июня 1739 г.) // Восточный сборник. СПб., 1916. Кн. II. С. 32–55.
15. «Сказка» вятского купца татарина Шубая Арасланова о его поездке с торговым караваном в 1741–1742 гг. в Ташкент // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. С. 86–100.
16. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары и обратно в 1795 году / подг. Г. Спасским // Сибирский вестник. 1818. № 2. С. 37–74; № 3. С. 75–110.
17. Материалы поездки казачьего атамана подпоручика Дмитрия Телятникова и сержанта Алексея Безносикова с Иртышской линии в Ташкентское владение к правителю Юнус-ходже (30 мая 1796 г. – 23 июля 1797 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. С. 153–179.
18. Неопубликованные записки о поездке горных чиновников Т.С. Бурнашева и М.С. Пospelova через Казахскую степь и Ташкент в 1800 г. / подгот. к изд. Б.Т. Жанаева // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Караганда : Экожан, 2013. Вып. 3. С. 114–169.
19. Мирза Абдал'Азим Сами. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / пер. Л.М. Епифановой. М. : Наука, 1962. 182 + 152 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 декабря 2016 г.

THE STATE STRUCTURE AND LAW OF CENTRAL ASIA KHANATES IN THE NOTES OF RUSSIAN TRAVELERS OF THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 108–113.

DOI: 10.17223/15617793/414/17

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Keywords: Russian empire; Central Asia Khanates; traditional state; Islamic law; Russian travelers of the 18th century.

The article is an analysis of the political and legal situation in Central Asian khanates of the 18th c. as it was described by Russian travelers. The aim of the research is to clarify if the Islamic political and legal tradition was in fact the only normative base to regulate social relations in Central Asia as it is stated in the official legal documents and court historical chronicles of these khanates. The sources the author of the article used are travel notes and reports of Russian travelers (diplomats, traders, scientists) who visited Central Asian states in the 18th c.: Florio Beneveni (Bukhara and Khiva, 1724–1725), Karl Miller (Tashkent, 1738–1739), Dmitriy Gladyshev and Ivan Muravin (Khiva, 1740–1741), Shubai Arslanov (Tashkent, 1741–1742), Danila Rukavkin, Pyotr Chuchalov and Yakov Guliyev (Khiva, 1753–1754), Philip Efremov (Bukhara, 1774–1782), Mendiary Bekchurin (Bukhara, 1781), Egor Blankenagel (Khiva, 1793–1794), Timofei Burnashov (Bukhara, with Alexei Beznosikov, 1795, and Tashkent, with Mikhail Pospelov, 1800), Dmitriy Telyatnikov and Alexei Beznosikov (Tashkent, 1796–1797). Our knowledge about the state structure of the Central Asian khanates of the 18th c. is based mainly on the information of Central Asian chronicles, but their authors (court historians and officials) often embellished the real situation. As for the law of these states during this period, it is described poorly and not impartially as main sources on it are official documents of khans' chancelleries and the judicial practice of Shariat courts (cadis); they make an impression that the norms of Islamic law were the only legal base in these states. But if we use the information of Russian travelers in Bukhara, Khiva and Tashkent of the 18th c., we could find quite a different situation. Most of their notes were already used by historians as sources on the political history of Central Asia and its relations with Russia, but still were not studied as a source on the state structure and law of these khanates. Meanwhile, these notes contain valuable and sometimes unique information on specific features and problems of the state structure and the legal system. Russian witnesses wrote about the weakness of khans' (descendants of Genghis Khan) power, the influence of powerful high officials and tribal leaders, the problems in relations between central and local authorities as well as between khans' administration and nomadic subjects of khanates who regularly recognized their vassalage to khans nominally. Diplomats and traders gave detailed characteristics of the legal regulation of trade, of the taxation system in the khanates. They also described the judicial system, where courts on the basis of customary law and khans' courts widely functioned, as well as Islamic courts of cadis. Several travelers gave interesting information on the system of crimes and punishments. On the basis of the information of Russian travelers the author finds that the Central Asian khanates of the 18th c. widely used not only Islamic principles of governance, legal regulation and court procedure but also customs of Turkic-Mongol nomads and khans' legislation.

REFERENCES

1. Lunev, Yu.F. (2004) *Gosudarstvo i pravo uzbekskikh khanstv s XVI po XIX veka* [State and law of the Uzbek khanates from the 16th to the 19th centuries]. Moscow: AST.
2. Maslova, O.V. (1955) *Obzor russkikh puteshestviy i ekspeditsiy v Srednyuyu Aziyu* [Review of the Russian travels and expeditions to Central Asia]. Vol. 1. Tashkent: Central Asian State University.
3. Zhukovskiy, S.V. (1915) *Snosheniya Rossii s Bukharoy i Khivoy za poslednee trekhstoletie* [Russia's relations with Bukhara and Khiva in recent tercentenary]. Petrograd.
4. Mikhaleva, G.A. (1982) *Torgovye i posol'skie svyazi Rossii so sredneaziatскими khanstvami cherez Orenburg (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Trade and ambassadorial ties with the Central Asian khanates of Russia via Orenburg (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Tashkent: Fan.

5. Niyazmatov, M. (2013) *Rossiia v serdtse Azii: dialog tsivilizatsiy (IX–XVIII vv.)* [Russia in the heart of Asia: dialogue of civilizations (9th–18th centuries)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
6. Sokolov, Yu. (1965) *Tashkent, tashkenttsy i Rossiia* [Tashkent, its residents and Russia]. Tashkent: Uzbekistan.
7. Volovnikov, V.G. (ed.) (1986) *Poslannik Petra I na Vostoke. Posol'stvo Florio Beneveni v Persiyu i Bukharu v 1718–1725 godakh* [The Messenger of Peter I in the East. Mission of Florio Beneveni to Persia and Bokhara in 1718–1725]. Moscow: Nauka.
8. Rukavin, D. (1776) Opisanie puti ot Orenburga k Khive i Bukharam s prinadlezhashchimi obstoyatel'stvy byvshego pri otpravlennoe v 1753 godu iz Orenburga v te mesta kupecheskom karavane Samarskogo kuptsa Danily Rukavkina [Description of the route from Orenburg to Khiva and Bukhara in details by Samara merchant Danil Rukavkin, part of a merchant caravan sent in 1753 from Orenburg to those places]. In: *Moskovskiy lyubopytnyy mesyatseslov na 1776 god* [Moscow curious almanac for 1776]. Moscow: Moscow University.
9. Blankennagel. (1858) Putevye zametki mayora Blankennagelya o Khive v 1793–1794 gg. [Travel notes of Major Blankennagel of Khiva in 1793–1794]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XXII:3:2. pp. 87–116.
10. Khanykov, Ya.V. (1851) *Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 godakh Gladyshevym i Muravinyim* [The trip of Gladyshev Muravin from Orsk to Khiva and back, 1740–1741]. St. Petersburg: tipografiya ministerstva vnutrennikh del.
11. Dobrosmyslov, A. (1910) K istorii nashikh snosheniy s Khivoy. Donesenie perevodchika Gulyaeva i kantselyarista Chuchalova kantselyarii Orenburgskogo gubernatora o pribytii ikh v Khivu, o sobytiyakh, proiskhodivshikh v eto vremya v Khivinskom khanstve, i o stesneniyakh, kakim oni podvergalis' po rasporyazheniyu khana [On the history of our relations with Khiva. A report of the interpreter Gulyaev and the clerk Chuchalova of the Governor of Orenburg on their arrival to Khiva, the events that took place at this time in the Khiva Khanate, and on oppression they had experiences by the order of the Khan]. *Protokoly zasedaniy i soobshcheniya chlenov Turkestanского kruzhka lyubiteley arkheologii*. XIV. pp. 69–81.
12. Anon. (1893) Rossiyskogo unter-ofitsera, kotoryy nyne praporshchikom, devyatiletnee stranstvovanie i priklyucheniya v Bukharii, Khive, Persii i Indii i vozvrashchenie ottuda cherez Angliyu v Rossiyu, pisannoe im samim v Sankt-Peterburge 1784 goda [A story by a Russian non-commissioned officer, a warrant officer now, of the nine years of wandering and adventure in Bukhara, Khiva, Persia and India, and return to Russia via England, written by him in St. Petersburg, 1784]. *Russkaya starina*. LXXIX:7. pp. 125–149.
13. Anon. (1916) Zhurnal, uchinennyy s opisaniem iz derzhannykh kollezhskim registratorom i perevodchikom Mendiarm Bekchurinyim vo vremya puteshestviya po poruchennoy emu sekretnoy ekspeditsii v Bukhariyu po vozvrashcheniyu v Orenburg zapisok lezhashchemu traktu (Posol'stvo perevodchika Bekchurina v Bukharu v 1781 godu) [Journal compiled with the description of the notes of the collegiate registrar and interpreter Mendiarm Bekchurin on his secret expedition to Bukhara after his return to Orenburg (Mission of interpreter Bekchurin to Bukhara in 1781)]. *Vostochnyy sbornik*. II. pp. 273–340.
14. Anon. (1916) Materialy poezdki poruchika Penzenskogo garnizonnogo pekhotnogo polka Karla Millera i geodezista podporuchika Aleksey Kuseleva s torgovym karavanom iz Orenburga v Tashkent (29 avgusta 1738 g. – 5 iyunya 1739 g.) [Materials of the trip of Lieutenant Karl Miller of the Penza Infantry Garrison and of the surveyor Lieutenant Alexei Kuselev with a trade caravan from Orenburg to Tashkent (August 29, 1738 – June 5, 1739)]. *Vostochnyy sbornik*. II. pp. 32–55.
15. Tasmagambetov, I.N. (2007) “Skazka” vyatskogo kuptsa tatarina Shubaya Araslanova o ego poezdke s torgovym karavanom v 1741–1742 gg. v Tashkent [A “tale” of the Vyatka merchant Tatar Shubay Araslanov on his trip to Tashkent with a trade caravan in 1741–1742]. In: *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in the Russian sources of the 16th–20th centuries]. Vol. 6. Almaty: Dayk-Press.
16. Spasskiy, G. (1818) Puteshestvie ot Sibirskoy linii do goroda Bukhary i obratno v 1795 godu [Travel from the Siberian line to the city of Bukhara and back in 1795]. *Sibirskiy vestnik*. 2. pp. 37–74; 3. pp. 75–110.
17. Tasmagambetov, I.N. (2007) Materialy poezdki kazach'ego atamana podporuchika Dmitriya Telyatnikova i serzhanta Aleksey Beznosikova s Irtyshskoy linii v Tashkent v 1796 g. [Materials of the trip of Cossack Ataman Lieutenant Dmitry Telyatnikov and Sergeant Alexei Beznosikov from the Irtysh line to Tashkent to the ruler Yunus-Hodge (May 30, 1796 – July 23, 1797)]. In: *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in the Russian sources of the 16th–20th centuries]. Vol. 6. Almaty: Dayk-Press.
18. Zhanaeva, B.T. (2013) Neopublikovannyye zapiski o poezdke gornyykh chinovnikov T.S. Burnasheva i M.S. Pospelova cherez Kazakhskuyu step' i Tashkent v 1800 g. [Unpublished notes about the trip of mountain officials T.S. Burnashev and M.S. Pospelov through the Kazakh steppe and Tashkent in 1800]. In: *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh* [History of Kazakhstan in documents and materials: Al'manac]. Vol. 3. Karaganda: Ekozhn.
19. Abdal'Azim Sami, M. (1962) *Istoriya mangytskikh gosudarey* [History of Mangyt sovereigns]. Translated by L.M. Epifanova. Moscow: Nauka.

Received: 08 December 2016